

Ражден редко отводил взгляд в сторону, и большую часть времени его внимание было приковано к Нино. Дауру это не нравилось, но сегодня молодой человек решил избегать любых конфликтов с Ражде-ном, не считая себя вправе омрачить собравшимся праздник, а потому мужественно молчал. Незаметно опустив руку под стол, он слегка пожал нежные тонкие пальчики Нино. Девушка робко ответила на его прикосновение, но выражение ее лица при этом несколько не изменилось. Словно ничего и не произошло.

— Давайте поднимем эти бокалы за благополучие нашего дорогого хозяина. — Тамада поднялся во весь рост, поправив на плече чуть съехавшую бурку, и в продолжении начатого тоста обратился непосредственно к Раждену. — В последнее время наша Лдзаа процветает исключительно благодаря тебе, Ражден! Мало кто делает для благополучия родного края столько, сколько ты. И это кафе — яркий пример того, как уважаемый всеми нами...

Даур уронил голову на грудь. Хвалебные и возвышенные речи в адрес Раждена с каждым разом произносились все более цветисто и напыщенно. Даур от-

давал себе отчет в том, что это вполне заслуженно. Жители Пицунды не могли не восхвалять такого человека, как Ражден Беселия. Сегодня на открытие своего нового кафе Беселия пригласил всех. Более тысячи человек. Почти как на свадьбу. Состояние Раждена позволяло делать такие жесты.

А Даур... Даур даже не мог себе позволить съездить в город и приобрести для матери необходимые лекарства. Весь его скромный заработок сводился только к тому, что удавалось получить с отдыхающих, которых он в качестве экскурсовода-одиночки возил на своем стареньком разбитом «УАЗе» к озеру Рица, в Новый Афон и к Гегскому водопаду. И при этом Даур практически не имел возможности видаться ни с матерью, ни с Нино. Работа отнимала у него большую часть времени. Но иного выбора не было...

Даур слегка повернул голову вправо и встретился глазами с девушкой. Залюбовался ею. Нино действительно была красавицей. Круглое с правильными чертами лицо, раскосые черные, как ночь, глаза, рассыпавшиеся по плечам волосы с вплетенными в них солнечными лучами... При всем своем желании он никогда не сможет быть с ней, если не заработает достаточно денег. Если не станет таким, как Ражден. У Даура невольно защемило сердце.

— Твой отец по-прежнему не хочет, чтобы мы поженились?

Вопрос вырвался сам собой и в общем шуме гуляющих абхазов прозвучал едва различимо. Но Нино услышала его. Даур готов был поспорить, что в эту самую секунду его возлюбленная думала о том же самом. Глаза ее были подернуты грустной поволокой.

— Да, — так же тихо ответила девушка и глубоко вздохнула. — У нас был с ним об этом разговор. Вчера. Все тот же разговор, который отец заводит к месту и не к месту.

— И что он сказал?

Все присутствующие уже распались на отдельные группы. С противоположной стороны стола доносился громкий гомон подвыпившей молодежи, спорящей между собой на предмет того, чья машина престижней. Рядом с Дауром на низеньком кривоногом табурете сидел Малхаз — один из старейших и самых уважаемых жителей деревеньки. Завернувшись поплотнее в свою темно-серую бурку, старик достал большую трубку из вишневого дерева и неторопливо раскурил ее. Вверх потянулись клубы сизого дыма, терявшиеся на фоне чадящих мангалов. Чуть дальше от Малхаза образовалась еще одна группа: неулыбчивые абхазки преклонных лет. Они кучковались вот так на любом застолье. Ни о чем не говорили, ни к кому не обращались. Просто сидели и безучастно смотрели на происходящее вокруг.

— Сказал, что когда твой Даур приедет на новой дорогой иномарке и покажет мне столько золота, чтобы в обеих руках не вмещалось, тогда и отдам за него дочь, — скороговоркой произнесла Нино.

Даур невесело улыбнулся. Неделю назад отец Нино говорил ему то же самое. И по большому счету такое его требование было вполне справедливым. Даур не мог не понимать этого. Словно в насмешку над ним и его чувствами над столом потянулась популярная абхазская песня, живо подхваченная как молодежью, так и поколением постарше.

Рано ли, поздно ли всем, без сомнения,
Надо жениться, семья нужна каждому,
Оридай-дай-дай, надо ведь каждому!

Это серьезно, не просто решение
Принять по делу такому по важному,
Оридай-дай-дай, очень по важному!

Едва заметно двигая губами, запела даже группа молчаливых абхазок. Запел и Ражден, но его взгляд то и дело возвращался к Нино. Даур чувствовал, что вопреки собственному решению он уже начинает понемногу заводиться. Ражден вел себя в высшей степени нагло и недостойно.

— Я его понимаю, — с трудом выдавил из себя Даур. — Будь у меня дочь, а я надеюсь, что когда-нибудь она у меня непременно будет... Я рассуждал бы так же. Твой отец не хочет, чтобы ты бедствовала, Нино... Да и свадьба должна быть, как у людей.

Дауру показалось, что сидящий рядом Малхаз издал глубокий старческий вздох. Молодой человек обернулся, но Малхаз смотрел совсем в другую сторону. Однако ощущение того, что старик слышал их с Нино разговор, не оставило Даура. Да и не удивительно это было. В конце концов, большая часть деревни знала о его проблемах.

Хочется, чтобы любовь была жгучая,
Был для нее ты любимым мужчиной!
Оридай-дай-дай, был ты мужчиною!

Будет любить она только в том случае,
Если есть дом трехэтажный с машиной.
Оридай-дай-дай, только с машиной!

Даур еще раз нежно пожал под столом руку девушки и поднялся. Он с самого начала не собирался

долго задерживаться на празднике Раждена. Мать находилась дома совсем одна, и он не мог себе позволить развлекаться вместо того, чтобы быть рядом с единственным по-настоящему родным человеком. Мать нуждалась сейчас в его присутствии, как никогда.

— Ты уже уходишь? — осторожно спросила Нино.

— Да. Домой поеду.

Даур заметил довольную улыбку, скользнувшую по губам Раждена. Беселия даже не пытался ее скрыть, и это переполнило чашу терпения молодого человека. Что себе позволяет этот разжиревший бай? Даур решительно шагнул в сторону владельца вновь открывшегося кафе.

— Поговорить нужно, Ражден?

По большому счету это даже не было вопросом или предложением. Фраза прозвучала в устах Даура как откровенный вызов.

— Что? Зачем? Какие проблемы, Даур? — Ражден не соизволил подняться на ноги.

— Хочу сказать тебе пару слов. Без свидетелей.

Крепкое от природы телосложение молодого человека, блеск его темных глаз, гордая осанка и жесткая отрывистая речь — все это невольно внушало уважение с примешенной к нему долей страха. Даур заметил, как Ражден съежился под его взглядом. Однако игнорировать обращение вовсе он не мог. Беселия встал и молча последовал за Дауром в направлении играющих у самой кромки быстротечной речушки детей. Шагов через десять Даур остановился. Замер и Ражден.

— Что ты хотел мне сказать? — он неумело скрывал чувство нарастающей тревоги.

— Зачем так на нее смотришь? — напрямик спросил Даур.

Пальцы рук сжались в кулаки.

— На кого я смотрю?

Ражден затравленно оглянулся и с облегчением отметил тот факт, что многие из гостей наблюдают за его беседой с Дауром со стороны.

— На Нино.

— Слушай, Даур, зачем ты мне такие кислые слова говоришь? — он выдавил из себя кривоватую ухмылку. — У тебя зачем такая претензия ко мне? На каком таком основании? Как хочу, так и смотрю. Это мое личное дело! Ты пришел ко мне на праздник, а не я к тебе. Это мое кафе. Я тут хозяин. Ты гость...

— Я, может быть, и гость, — согласился Даур. — Но у тебя нет права смотреть так на мою невесту!

— Какую невесту, слушай? — напирая на молодого человека словесно, Ражден машинально отступал от него шаг за шагом. — Никакая тебе Нино не невеста. Она — свободная девушка! Ты делал ее отцу предложение?

— Это тебя не касается! — Даур чувствовал, как в нем закипает кровь.

— Любой может смотреть на нее, как хочет...

Даур не выдержал. Стремительно надвинувшись на Раждена, он выбросил вперед правую руку. Тот не успел заслониться. Кулак врезался в круглое мясистое лицо и заставил Раждена отлететь назад. Он с трудом удержал равновесие, чтобы не упасть. Из правой ноздри показалась тоненькая струйка крови.

— Ах, ты!..

Однако Ражден не спешил наносить Дауру ответного удара. Вряд ли он вообще собирался это делать. Даже в подвыпившем состоянии Беселия отлично понимал, что в рукопашной схватке ему не выстоять против атлетически сложенного Даура и десяти секунд.

Песни за столом разом оборвались, несколько женщин закричали, и к реке бегом устремилось сразу несколько человек.

— Я тебя предупредил, Ражден, — Даур продолжал наступать. — Не смотри на Нино так. Второго такого предупреждения не будет.

Для верности он собирался нанести Раждену еще один удар по лицу, но в последний момент передумал и просто толкнул его в грудь. Ражден нелепо вскинул руки. В этот момент к ним подоспели мужчины, и два человека решительно завернули Дауру руки. Он не стал сопротивляться. Он уже сделал то, что хотел сделать. Еще один мужчина встал между ним и Ражденом. Четвертый положил Беселии руки на плечи. Ражден раздраженно скинул их и отошел в сторону. Промокнул кровь под носом тыльной стороной ладони.

— Убирайся отсюда! — зло выкрикнул он, глядя на Даура.

Даур дернулся, но двое мужчин по-прежнему крепко держали его за руки.

— Щенок! Я пригласил тебя, хлеб-соль дал, а ты по лицу меня бить! — распалялся Ражден, чувствуя себя теперь в полной безопасности. — Не попадайся мне на глаза больше, Даур! У нас теперь с тобой со-

всем другие разговоры будут! Ты мне еще ответишь за эту кровь!

Вокруг них уже сомкнулся большой круг наблюдателей. Среди них стояла и Нино, тревожно глядя на возлюбленного. Даур успел пожалеть о своей вспыльчивости. В центр круга вышел Малхаз. Дымящейся трубки в руках седовласого старца уже не было. Он мрачно посмотрел сначала на Раждена, затем на Даура и коротко произнес:

— Прекратите.

Взгляды всех присутствующих обратились к Малхазу.

— Что вы здесь устроили? — прежним спокойным голосом продолжил старик. — Нехорошо, Даур. Зачем людям праздник портишь? Зачем на уважаемых людей с кулаками бросаешься? Да и ты, Ражден, тоже хорош. Неужели нельзя было спокойно разобраться?

— Да что я?... — запальчиво бросил не успевший успокоиться Ражден.

— Тихо! — осадил его Малхаз. — Молчи, когда старшие разговаривают! — Он сам помолчал немного. — Мы не хотим наблюдать здесь драк. На вас смотрят дети, на вас смотрят женщины. Вы должны успокоиться. Должны держать свои эмоции в узде. Пожмите друг другу руки и возвращайтесь к столу. А ты, Даур... — старик вновь посмотрел на молодого человека. — С тобой мне нужно поговорить. Но не здесь и не сегодня. Зайди ко мне на днях, и я дам тебе один дельный совет. Знаю, как помочь твоей беде...

— Беде? — не понял его Даур.

Но Малхаз больше ничего не сказал. Развернувшись, он неторопливо двинулся обратно к столам. За

ним потянулись и остальные. Даур стоял, нахмурившись, и не мог себя заставить протянуть Раждену руку в знак примирения. Однако и послушаться он тоже не мог. Кто-то неловко и робко потянул Даура за рукав. Он обернулся. Рядом с ним стоял двенадцатилетний Есмал, живший по соседству.

— Твоя мама, Даур... — мальчик запнулся, но тут же поспешил продолжить: — Она умирает. И зовет тебя.

* * *

— Прости, я не хотела портить тебе праздник, сынок, — женщина говорила тихо, с придыханием, и Дауру пришлось низко склониться над кроватью, чтобы слышать каждое ее слово. — Но я чувствую, что часы мои сочтены... Я должна была попрощаться с тобой.

Даур почувствовал, как к горлу подкатил предательский ком. Непрошенные слезы сами собой навернулись на глаза.

— И не надо плакать, — мать строго посмотрела на него и тут же продолжила: — Мой сын не должен уметь этого делать. Не к лицу мужчине, — она взяла Даура за руку. — Лучше дай мне фотографию...

Он сразу понял, о чем идет речь. Приподнявшись с кровати, Даур потянулся и взял с тумбочки небольшую прямоугольную рамку коричневого цвета с вставленным в нее снимком. Хотел было передать матери, но та отрицательно покачала головой.

— Нет. Это тебе, сынок. Возьми.

Даур не ответил. Взгляд его упал на старое черно-белое изображение. На снимке был он сам в возрасте

семи лет, мать, в то время еще совсем молодая, и отец, которого Даур помнил очень смутно. Сходство между Акубардиа-старшим и его сыном, таким, каким он стал сейчас, к своему двадцатичетырехлетию, было поразительным. Даур отмечал это всякий раз, когда видел этот снимок в коричневой рамке. Мать никогда не убирала фотографию с тумбочки.

Воспоминания об отце у Даура были весьма скудными. Акубардиа-старший исчез из их жизни в далеком теперь девяносто втором. Пропал без вести во время Великой Отечественной Войны, как называли сами абхазы сепаратистский мятеж. Ушел в горы и не вернулся. В те годы так случалось со многими.

— Ты помнишь его, Даур? — голос матери прервал мысли молодого человека.

Он снова склонился к ней. Тоскливо скрипнули пружины кровати.

— Помню. Я еще маленький был. Шакалы в горах кричали, я плакал... А папа мне говорил: «Неужели, сынок, ты какого-то шакала боишься?»

— Да, — Даур чувствовал, что каждое новое слово дается матери все с большим и большим трудом. — Если бы ты попытался выяснить его судьбу... Кто-то говорил, что его видели в Москве. Но не верю я. Ошиблись люди. Он бы наверняка попытался нас отыскать...

Эта часть истории тоже была прекрасно известна Дауру. В деревне об этом ходили разговоры, и молодой человек не мог их не слышать. Тот же Малхаз Гугуава не раз поминал Акубардиа добрым словом. От него же Даур слышал, что брак с его матерью был в жизни отца вторым по счету. Первый раз он был же-

нат на русской женщине, которая впоследствии оставила этот бранный мир, и у них был сын. Если слухи о том, что отца видели в Москве, и имеют под собой хоть какое-то реальное обоснование, то это может быть связано только с первым браком и прямым потомком от него. Но мать была права. Отец обязательно нашел бы возможность связаться с ней и с Дауром. Иначе он поступить не мог...

— Жаль, что он тебя не видит, — мать протянула руку и коснулась пальцами лица Даура. — Он бы гордился тобой, сынок. Таким красавцем стал. И он таким же был. А я... Я его точно уже никогда не увижу. Даже если он жив. Не судьба...

— Не говори так, — Даур перехватил ее сухошающую руку и прижал к собственной груди. Пальцы у матери были совсем холодными. — Тетя Натэла обещала помочь мне с деньгами. На время. Я отработаю. А пока мы сможем купить все необходимые лекарства. Как сказал доктор...

Мать вновь покачала головой и тихонько всхлипнула.

— Уже поздно, сынок.

— Нет...

Но мать словно не слышала его робких возражений.

— Возьми этот снимок себе, Даур. Если когда-нибудь...

Взгляд Даура невольно сфокусировался на маленьком золотом крестике на груди женщины, который вспыхивал блеклыми искрами при каждом вдохе и выдохе. Молодой человек и сам чувствовал, что ча-

сы его матери на исходе. И он уже ничем не сможет ей помочь. Ничем...

Крестик качнулся еще раз.

* * *

Крест поблескивал искрами в лучах солнечного света, но теперь он уже не качался. Он не мог качаться. Массивный деревянный крест, врытый в землю на свежей могиле, был мало похож на тот, который Даур привык видеть на груди матери. Почему-то эта мысль неотступно присутствовала в его сознании, пока он стоял на коленях с низко склоненной головой и смотрел на могилу.

Даур не замечал никого и ничего вокруг. Люди по очереди подходили к нему и выражали соболезнования, но Даур их не слышал. Все происходило словно в тумане. Он не мог поверить в то, что мамы больше нет. Она покинула его навсегда так же, как это сделал отец, когда Даур был еще совсем маленьким. Только в этот раз он чувствовал, что в случившемся есть и его собственная доля вины. Возможно, если бы он уделял матери больше времени и внимания, пока она болела, такого бы не случилось. Или обратился к тете Натэле чуть раньше... Но теперь уже все эти размышления не имели никакого значения. Мать умерла... А деньги тети Натэлы пошли на похороны.

— Даур!..

Он с трудом повернул голову. Рядом с ним понуро стоял Ишьяс, с которым Даур вместе вырос и сохранил теплые дружеские отношения по сей день. Видеть Ишьяса без картуза было непривычно. Тот никогда и ни при каких условиях не расставался с голов-

ным убором. А сейчас рассеянно комкал его в руках, глядя на свежий холмик с массивным деревянным крестом. Жесткие непокорные волосы Ишьяс торчали в разные стороны.

— Мне очень жаль, Даур, — еще одно скупое механическое соболезнование.

Даур машинально кивнул головой. Но Ишьяс не отходил, продолжая бессмысленно топтаться на месте. Он явно собирался заговорить еще о чем-то, но не решался. То ли тема была в высшей степени щекотливой, то ли Ишьяс считал, что момент не подходящий.

Даур медленно поднялся с коленей. Огляделся. Все остальные, кто пришел на похороны его матери, держались в некотором отдалении от могилы, разбившись на группы по четыре-пять человек. Нино стояла рядом со своим отцом, который, в свою очередь, о чем-то негромко переговаривался со стариком Малхазом. Девушка неотрывно смотрела на Даура, но он, напротив, старался сегодня не встречаться с ней глазами. На душе словно камень лежал...

— Что ты хотел, Ишьяс? — Даур решил облегчить другу задачу.

— Я слышал, у тебя проблемы с деньгами.

Даур ответил не сразу. Проблемы действительно были. Они были всегда. Но сейчас, когда он залез еще и в долги... На данный момент свое обозримое будущее Даур видел как в тумане.

— Я хотел бы тебе помочь, — предложил Ишьяс. — Конечно, звезд с небес я и сам не хватаю, но мы же друзья, Даур. Твое — мое, мое — твое. Как в детстве. Помнишь? Все общее.

Даур натянуто улыбнулся.

— Нет, спасибо, Ишьяс. Я сам справляться буду.

Он был тронут участием друга, но понимал, что как взрослый мужчина обязан отказаться. Ишьясу и самому приходилось нелегко — он тянул на себе большую семью, в которой к настоящему моменту он был старшим из мужчин.

— Уверен? — Ишьяс не собирался сдаваться.

— Да, я уверен.

Он вновь обратил взгляд на могилу матери. Но теперь уже не на крест, а на снимок, который располагался под ним. Старую фотографию тоже принесла тетя Натэла, но Даур помнил тот день, когда она была сделана. Шесть лет назад. В те времена его мать считалась одной из самых красивых женщин их деревушки. И ничто не предвещало столь скорого конца. Мама на снимке улыбалась. Даур грустно улыбнулся ей в ответ.

— Ты всегда будешь жить в моем сердце, — тихо произнес он.

Ишьяс уже отошел назад и присоединился к группе молодых людей. Вместо него к Дауру направился Есмал. Однако в отличие от других мальчик ничего не стал говорить. Молча встал рядом и тоже несколько секунд смотрел на фотографию матери Даура. Даур обнял его за плечи.

— Пойдем в дом, Есмал, — произнес он. — И скажи всем, чтобы тоже шли. Тетя Натэла уже накрыла на стол.

С этими словами он первым двинулся к крыльцу. Оборачиваться не стал, но знал, что люди потянулись следом за ним.

* * *

Даур подошел к дому старика Гугуавы со стороны луга. Малхаз был на пасеке. Он заметил гостя издали, махнул ему рукой и отставил в сторону дымарь. Затем вынул из гнезда рамку с медом, положил ее в ящик и закрыл крышку.

Старик зашагал к косому плетню, ограждавшему пасеку.

Даур взял у него из рук ящик.

— Вон, к медоносу поставь, и пойдем во двор, — Малхаз снял с головы защитную сетку и перчатки. — Значит, в невесты хочешь взять Нино?..

Даур молча кивнул.

— Без денег Адамур тебе ее не отдаст никак. Сам троих дочерей вырастил, знаю...

Старик медленно прошел вдоль забора к воротам, сделанным в виде легкой рамы из поперечных и продольных жердей.

— Проходи, — Малхаз пропустил гостя во двор.

— Я знаю, что не отдаст, — Даур сдвинул фуражку с длинным округлым козырьком, загораживая лицо от солнца. — Только как я эти деньги заработаю? На одних туристах много не возьмешь. Куда мне на дорогу машину? А уж на золото и подавно... В наших местах только овец и пасти. Или на таможенную работу. А кто меня туда возьмет? Отца у меня в городе с блатом нет. Родни — тоже никакой. Разве грабить идти...

— Зачем так говоришь, Даур? — почтенный старец укоризненно посмотрел на своего гостя и присел на лавочку около пристройки к дому. — Неужели мы человека в беде оставим? И где ты такое видел? Мно-

гое в нашей жизни изменилось. И молодежь, уж бывает, стариков не слушает. Нет-нет, а в городах по своему заживет... Мы им не указ. А все же апсуа свой закон чтут, — старик говорил негромко и размеренно. — Не зря же мы родину свою Апсны зовем. Страна души. Это испокон веков как было, так и есть. И сейчас всем родом и радости, и беды встречаем. Апсуа всегда человека выручит. Таков закон. Сам не доешь, а ближнему своему оставь. И пусть так всегда будет. Иди, сядь рядом, — Малхаз похлопал по лавке.

Даур сел рядом со стариком.

— Я к чему это сказал? Ты Гурама помнишь? Ни овец у него не было, ни дома... Ничего не было, совсем бедный был. Так он в Москву уехал. Теперь два дома в Пицунде купил, в центре Москвы квартира. Совсем олигархом стал.

— Да ну! — загорелся Даур.

Наивно удивление парня явно польстило старику.

— Машин у него, как у меня овец, — продолжил Малхаз. — Столько, говорит, у него машин в Москве. Сам на дорогом лимузине приехал. Вот, летом только навещал. Так на него вся Пицунда глазела. Как президент приехал. У него там и окна в машине сами опускаются и поднимаются. А что внутри, совсем не видно. Потому что окна — черные! Как только они ездят на этих автомобилях...

— Это только снаружи ничего не видно. А изнутри, как на ладони, — пояснил Даур. — Только запрещено это — такие окна сейчас. Штрафы большие...

— Он денег столько заработал, сколько мы с тобой и не видели отродясь, — старик похлопал Даура

по руке. — Не волнуйся. У него теперь и на штрафы хватает, и на мамалыгу, и на дом... Все у него есть.

— Что, неужели он в Москве так разбогател? — едва не перебил старца Даур.

Старик поднял вверх раскрытую ладонь и многозначительно улыбнулся.

— Слушай, — все так же неспешно проговорил он, охлаждая пыл молодого собеседника. — Гурам — троюродный брат мне. Ты, может, помнишь его лицо. Отец-то твой точно вспомнил бы. На свадьбе у дочери моей гуляли. Эх!..

Гугуава запнулся. На глазах старика выступили слезы. Он предался воспоминаниям. Поторопить старика Даур не смел.

— Гуляли, время было!.. — продолжил наконец Малхаз. — Это еще до войны. А потом как покатилося все... Мужчин сколько в войне погибло. А кого не убили, тот сам из Апсны ушел, чтобы семью спасти... Ладно... — старик посмотрел на Даура. Его влажные от слез глаза блестели на ярком солнце. — Этот Гурам бизнес большой имеет в Москве. У него машин этих — таксопарк целый. Он, когда приезжал, говорит, пусть апсуа ко мне едут. Для абхаза я всегда работу найду, сказал, и заработать дам. Пусть приезжают ко мне. Я и жилье, мол, предоставлю, и с голоду своим умереть не дам. Так он и говорил. Абхазская кровь!

— Это как же это он смог столько денег заработать?! Да если бы я мог... Я бы уже женился.

— Ты машину водить умеешь? — поинтересовался Гугуава.

— Умею, — горячо заверил Даур. — Я, можно сказать, таксистом сейчас и работаю.

— Вот! А у нас, как говорится, мозолистая рука подавания не просит... Так что, если работать будешь, и на лимузин заработаешь, и на золото. У него, у Гурама, этого золота... На шее только вот такая цепь висит, — старик продемонстрировал два соединенных пальца. — Вот так-то!

Малхаз стал подниматься со скамейки. Даур подставил ему свое плечо.

— Сейчас, подожди, — Гугуава сделал несколько шагов в сторону крыльца дома, а затем остановился у окна. — Эмзар! — крикнул он в раскрытую створку. — Эмзар, пойдись сюда!..

Через несколько секунд на крыльце появился мальчик лет десяти.

— Я здесь, — парнишка резво сбегал по ступеням вниз. Сдернув с бельевой веревки панаму, он на бегу нахлобучил ее на голову и подлетел к деду. Старик потрепал мальчика по волосам.

— А ну, поди, принеси со стула в моей спальне листок, куда дядя Гурам записал адрес. Там написано — Москва. Ты читать-то уже умеешь?

— Умею, — звонко отозвался Эмзар. Он рванул на крыльцо и исчез за дверью так же быстро, как появился.

* * *

Никаких сомнений уже не осталось. Взвесив все за и против, Даур твердо решил оставить родную деревушку и отправиться в Москву. Он был твердо уверен в том, что ему понадобится не более полугода на осуществление намеченных планов. А потом он вернется. Вернется уверенным в себе состоятельным че-

ловеком. И сможет жениться на Нино. К настоящему моменту в этом заключалась его единственная мечта. При наличии тех средств, которые он сможет заработать в Москве с подачи Гурама, никто не сможет воспрепятствовать их браку с Нино. А ее отец и подавно. Он лишь будет рад такому зятю...

Даур вдохнул полной грудью сладковатый ночной воздух и, подавшись вперед, облокотился на перила веранды. Сегодня он в последний раз наслаждался видом мохнатых южных звезд над высокими горами родного края, в последний раз вслушивался в стрекот цикад, облюбовавших себе местечко в мандариновом саду. Даур знал, что ему будет не хватать всего этого. Но выбора не было. Завтра он на полгода покинет чарующие и дорогие его сердцу окрестности Пицунды. Покинет, чтобы вернуться.

Скрип половицы заставил Даура прервать ход собственных мыслей и обернуться. Нино, завернутая в белоснежную простыню, не столько скрадывающую, сколько подчеркивающую идеальные формы ее тела, приблизилась к молодому человеку и нежно обняла его за крепкие мускулистые плечи. Даур привлек девушку к себе и горячо поцеловал в губы. Свет полной луны пробивался сквозь легкую прозрачную ткань и позволял Дауру видеть очертания тела любимой.

— Я люблю тебя, — тихо и, как показалось Дауру, даже боязливо произнесла Нино. — И никогда не была так счастлива, как сейчас. До сих пор не могу прийти в себя.

Он поцеловал ее еще раз.

— Не жалеешь?

До сегодняшнего дня ни у нее, ни у него никогда не было физической близости, и Даур сам едва сдерживал переполнявшие его эмоции. Ему хотелось подхватить Нино на руки, отнести обратно в комнату и не отрываться от нее до самого рассвета. Но, с другой стороны, мысль о том, правильно ли они поступили, поддавшись порыву, или совершили ужасную ошибку, неотступно преследовала молодого человека. Меньше всего на свете ему хотелось причинить боль любимой...

— Жалею? О чем ты? — переспросила Нино. — Как можно жалеть о том, что способно сравниться лишь с теплой водой или солнечными лучами? Никто ведь никогда не жалеет об этом, Даур. Верно?

— Да, конечно. Но...

— Ты — мой мужчина, — на глазах Нино появились слезы, но в этот момент она и сама не смогла бы объяснить, чем они вызваны. Ощущением бесконечного счастья от того, что произошло между ними, или неотвратимой близостью скорой разлуки с любимым человеком. — Я верю в то, что мы поженимся и будем вместе всегда, Даур. Я нарожаю тебе детишек. Мы будем счастливы. Гораздо счастливее, чем все остальные...

Каждое ее слово падало на душу Даура, как капли бальзама. Его руки заскользили по плечам Нино. Белоснежная ткань мягко упала к ногам девушки. Даур склонился и стал ласково покрывать поцелуями ее тело. Нино откликнулась на его действия глубоким вздохом.

— Ты ведь вернешься, Даур?

— Вернусь, — страстно заверил он. — Обещаю те-

бе, Нино! Ты для меня — единственное, ради чего стоит жить. И ты — единственное, ради чего я еду. Гу-гуава сказал мне, что это мой шанс, и я ему верю.

— Я буду ждать тебя, Даур. — Нино прижала его голову к своей груди. — Буду ждать тебя столько, сколько понадобится. Потому что люблю тебя.

— И я люблю тебя, Нино. Обещаю, что не задержусь надолго.

Он все-таки подхватил ее на руки, и девушка трепетно обвила шею Даура руками. Их губы слились в поцелуе. Молодому человеку казалось, что в этот момент и звезды, и луна, и посеребренные вершины гор — все улыбается им. Все вокруг разделяет их с Нино счастье. Иначе и быть не могло.

Он внес ее в комнату и осторожно опустил на кровать поверх покрывала. Лег рядом. Девушка запустила пальцы в густые волосы Даура.

— Если любишь меня, так люби, Даур.

Он чувствовал, как гулко стучит ее сердце, и осознал, что точно так же в унисон бьется и его собственное.

— Да, Нино. Я буду любить тебя, — отозвался он.

Туман, в котором Даур видел свое будущее, стоя у могилы матери, рассеялся. Теперь он совершенно ясно и четко знал, что ему делать. Знал, к чему стремиться. Не в эту секунду, а вообще по жизни. На этот раз перед взором Даура все представало в радужных красках. Он отправится в большой город, заработает очень много денег и вернется в родные края на белой дорогой машине. А затем всю оставшуюся жизнь он проведет рядом с любимой девушкой. С той, которая нежилась сейчас в его объятиях...

Рассвет застал молодых людей еще спящими. Первые лучи солнца ударили Даура по глазам. Он встрепенулся, попытался подтянуть правую руку, но не смог. Голова Нино с черными, как вороново крыло, волосами лежала у него на плече. Пару минут Даур влюбленно смотрел на девушку, лаская взором каждую черточку ее лица. По губам его блуждала счастливая улыбка.

Нино тоже открыла глаза.

— Я люблю тебя.

Вместо ответа Даур поцеловал ее в лоб. Затем осторожно высвободил руку и приподнялся на кровати. Девушка откинулась на подушку.

Даур встал, снял со спинки кровати халат и набросил его на плечи.

— Не будем долго прощаться, — сказал он, и по голосу возлюбленного Нино поняла, насколько ему тяжело. — Я собираюсь уехать до обеда...

— Я хочу тебя проводить, — она и сама не могла понять, откуда в ней взялась такая решимость.

— Проводить?

— Да. До Псоу.

— Не надо, Нино...

Ее глаза наполнились слезами, и Даур не нашел в себе сил спорить с ней и дальше. Предпочел уступить. В конце концов, ей сейчас было во сто крат тяжелее, чем ему. Он уезжал, а она оставалась. Даур понимал это.

— Хорошо, — он кивнул. — Я попрошу Ишьяса отвезти нас, а потом он вернет тебя обратно. Никто не хватится... Надеюсь.

— Спасибо, Даур.

Он, как и минувшей ночью, вышел на веранду. Но уже не для того, чтобы полюбоваться на звезды и горы, а чтобы дать Нино возможность одеться. Несмотря на то, что произошло между ними, Даур не собирался лишней раз смущать девушку своим присутствием.

* * *

«Уазик» остановился у пограничного перехода через реку Псоу, и Ишьяс заглушил двигатель. Даур спрыгнул на асфальт и мрачно окинул долгим взглядом хаотично передвигавшихся как в том, так и в другом направлении по мосту торговцев-«челноков». Поставил на землю сумку. Затем оглянулся назад и обласкал взглядом родные горные хребты.

— Скучать будешь? — Нино уже стояла рядом с ним.

Ишьяс на некоторое время благоразумно остался за рулем автомобиля. Даур и Нино были совершенно одни, но это было не то же самое, что сегодня ночью у него дома. Горечь расставания отравляла Дауру душу. И за ними все равно наблюдали со стороны.

— Буду, — он хотел дотронуться рукой до ее руки, но не мог себе этого позволить. Однако девушка и так все понимала по выражению его глаз. — Конечно, буду. Как я могу не скучать по тебе?

— Не по мне, — Нино уже едва сдерживала слезы. — По горам, по солнцу, по морю? Мне бы всего этого очень не хватало.

— И по ним тоже...

— Береги себя, Даур, — ее голос дрогнул. — Обязательно береги. Я слышала, что русские нас не очень

любят. Сколько раз говорили об этом по телевизору. И это ужасно...

— Люди — везде люди, Нино, — философски заметил он. — Есть хорошие люди, а есть плохие. Но хороших, конечно, больше. Всегда так. А шакалы... — Даур выдержал паузу и улыбнулся, в большей степени желая приободрить девушку, нежели рассчитывая скрасить момент шуткой. — Неужели я каких-то шакалов бояться буду? Не бывать этому.

Молодой человек и сам верил в то, о чем говорил. Напугать его тяготами московской жизни или каким бы то ни было отношением со стороны окружающих не представлялось возможным. Даур не чувствовал ни капли тревоги.

— Возвращайся скорее, — ласково попросила его Нино.

— Обернусь, как птица, — пообещал он в ответ. — Так что готовься к свадьбе. Когда у меня будут полные карманы золота, как у Гурама, твоему отцу нельзя будет никуда деться. Такой завидный зять на дороге не валяется. Как думаешь?

— Ты нравишься мне таким, какой ты есть, — робко ответила Нино. — И я буду рада, если таким ты и вернешься. Таким, как прежде.

— Только богаче. И это позволит мне сделать тебя счастливой.

— Я и так счастлива.

Ишьяс уже выбрался из машины и приблизился к влюбленным. Протянул Дауру широко раскрытую ладонь.

— Удачи, брат, — сказал он.

— Спасибо, Ишьяс. И поосторожнее с моим «уази-

ком», — напутствовал Даур. — Он мне дорог как память о былых временах...

— Ай, зачем так говоришь? — Ишьяс поддержал шутку друга. — Какой «уазик»? У тебя теперь «Хаммер» будет, глаз не оторвать. А может, и не один, да?

— Будет лишний — тебе подарю.

— Договорились, — Ишьяс рассмеялся. — Только без обмана.

— Никакого обмана, — Даур сложил руки на груди. — Как ты говорил? Твое — мое, мое — твое. Да, Ишьяс?

— Так всегда было.

— Так и будет.

— Не забывай звонить, — Ишьяс легонько похлопал друга по плечу. — Чтобы мы знали, что у тебя все в порядке. И чтобы не зазнавался.

— И мне звони, — тихо обронила Нино.

На сердце у Даура все-таки лежала некоторая печаль, но он постарался отогнать дурные мысли прочь. Как известно, чем дольше расставание, тем оно тяжелее. Он поднял с земли сумку и забросил ее на плечо. Затем скользнул рукой в нагрудный карман рубашки и выудил из него фотографию, которую вручила ему на смертном одре мать. Еще раз с тоской посмотрел на снимок и убрал его обратно. Решительно двинулся в сторону моста. Оглянулся. Нино и Ишьяс стояли на прежнем месте, не спеша отправляться в обратный путь. Даур, как можно бодрее, помахал им рукой. Ишьяс ответил ему тем же.

— Я буду ждать тебя, Даур! — неожиданно крикнула девушка.

Он на мгновение остановился, но, совершив над